

Иван ПЕРЕВЕРЗИН

Утверждение воли

Рассказ

Наконец-то прозвенел последний звонок, возвестивший, что ещё один учебный год, восьмой по счёту, закончился. Красота!.. По крайней мере, не надо будет долгими вечерними часами корпеть над толстым учебником химии, до одури ломая голову над ненавистными формулами, противными задачами, в крайнем случае пытаться откровенной зубрилкой выучить заданный на дом урок, от нервозности и сожаления кусая ногти, и без того подрезанные до самого основания, чтобы при лепке из пластилина всевозможных фигур — этом моём самом любимом занятии, — не мешали.

То ли в самом начале изучения сложного предмета я по глупости упустил что-то важное, не влез мозгами и душой в изучение менделеевской стихии, в общем наплевательски отнёсся к учению, то ли

тяжким предметом, если б не душевная доброта преподавателя Степаниды Викторовны Петровых, женщины преклонных лет с густой проседью в тёмных волосах, аккуратно собранных на затылке в тугой пучок, с настолько мудрыми, казавшимися грустными серыми глазами, ходившей на занятия чуть ли не весь учебный год в одной и той же одежде: в длинной и широкой чёрной юбке и вязаной коричневой кофте, из разреза которой выглядывала всегда безупречно белоснежная сорочка с высоким воротником, ладно лежащим на излёте сутуловатых, как бы пригнутых тяжестью времени, суховатых плеч.

Доброта её заключалась в том, что даже самых задылых лоботрясов, как бы плохо они не были подготовлены к уроку, как бы шумно себя ни вели — не занимаясь сами, но мешая это делать другим, — Степанида

Конечно, можно было сколько угодно сомневаться в своих способностях в изучении химии, но бесспорным было одно: я из-за своего нерадивого отношения в самом начале к этому сложному предмету невольно сам себя загнал в какой-то глухой, тёмный угол. Чтобы как можно скорее, а главное — успешно выбраться из него, мне пришлось проявить до поры дремавшие, словно в тайниках, где-то в подкорке моего сознания и в глубинах души немалое количество упорства, выдержки, целеустремленности, а это уже, в соответствии с поговоркой «Нет худа без добра», выковывало, как кузнец из куска стали произведение прикладного искусства, нестигаемую волю, словно Господь в самом деле готовил меня для каких-то более сложных, более важных испытаний, преодолев которые, я смогу однажды с

светло-зелёной клейкой листвой, доносились сладкозвучное пение бойких синиц, скворцов и чижей!

Валяться в постели я с самого детства не любил. Достаточно было утром матери дотронуться до моих ног, как тотчас, словно только и ждал этого, я сбрасывал с себя одеяло и начинал одеваться... Но в тот раз решил сразу, как проснусь, не вставать, поскольку охватили мысли о предстоящей работе — и я пытался угадать, чем же буду в ставшем за многие летние месяцы чуть ли не родном совхозе заниматься: сажать ли капусту, убирать на ферме навоз или вместе с здоровенными мужиками — от зари до зари! — загружать в бункера картофельной сажалки клубни с заметно проклюнувшимися в глазках бело-зелёными сочными ростками. В общем, гадать, как и мечтать, не вредно!

действительно, химия — не моё... Верней, моё, но не озарённое милостью Божьей. И вот досада, моя старшая сестра Наталья, закончив школу, уехала жить и учиться в солнечный Пятигорск, а то бы, как в случае с геометрией, села рядом со мной и, как она с душой умела это делать, — доходчивым, простым языком объяснила бы, на что надо больше всего обратить внимание. И глядишь, проблема с химией как бы сама собой и решилась. Ведь те же самые, не менее сложные, уравнения и примеры по алгебре и физике я щёлкал непринуждённо, с удовольствием, как подсолнечные семечки деревенские бабки в цветастых платочках, в длинных, узорно расшитых разноцветными нитками, перехваченных в огрузневшей талии, со сложенными на груди сухими морщинистыми руками, сидящими подолгу летними вечерами на скамейках, устроенных против их домов, на самом крутом берегу величавой, полноводной Лены.

Честно говоря, я никогда не заморачивал бы себе голову этим ставшим для меня

Викторовна никогда нравучительно не бранила, тем более не выставила за двери, а лишь сурово, с осуждением, мол, ребята, ведите себя прилично, беглым взглядом, помятым сотни химических формул и десятки таблиц, смотрела на них. В крайнем случае своим тихим, словно идущим из глубины души голосом умиротворяюще просила: «Ребята, будьте добры, ведите себя достойно!». При этом её глаза излучали такой глубокий свет тепла и доброты, что я невольно думал: «Она, наверно, так терпима к чужим детям потому, что свои давно выросли и, как птицы, разлетелись из семейного гнезда кто куда... И теперь только работа является смыслом её жизни...» Так это было на самом деле или нет, но Степаниду Викторовну, светлой души человека, моя детская совесть ну никак не позволяла подводить, и я, вполне готовый довольствоваться по итогам года самой распространённой в нашем классе оценкой — тройкой, из кожи вон лез, чтобы дотянуться до такой далёкой, но всё же достижимой четвёрки.

чистой совестью во весь голос сказать, что жизнь прожита не зря.

В то первое летнее утро я, то ли от невольного волнения, которое всегда испытывал перед выходом на работу, то ли от предчувствия чего-то тревожно необычного, проснулся ни свет ни заря. Взглянул на настенные часы, висевшие напротив кровати, — они показывали только шесть часов. Но в открытое окно с закреплённой к стоякам рамы канцелярскими кнопками медицинской марлей для защиты от зудящих по ночам комаров, с высокого синего-синего неба лились мощными потоками золотистые лучи, стеля через всю спальню световую дорожку, пятая солнечными зайчиками углы чисто белёного потолка. А из палисадника, в котором буйно росли пышные кусты чёрной смородины, уже расцветшие красным цветом, несколько стройных белоствольных берёзок с совсем недавно распутившейся

Лишь бы всё загаданное сбывалось! От напряжённой работы головы и души лоб вспотел, я посмотрел на часы и понял, что пора вставать.

Выйдя из дома, подошёл к своему любимцу, годовалой немецкой овчарке Мухтару, тотчас радостно прыгнувшему мне на грудь и в знак верности своим тёплым шершавым языком лизнувшему щёку, отстегнул от кожаного ошейника цепь, весело скомандовав четвероногому другу: «За мной!», и вышел со двора. Пройдя по улице имени Короленко метров сто, завернул за угол огорода и оказался в переулке, ведущем прямо к совхозной конторе, как по линейке, застроенном ещё в далёкие-далёкие царские времена просторными избами-пятистенками — все как один крытые в два ряда обрешеченным тёмным, от времени сильно почерневшим и во многих местах покрывшимся зеленоватой плесенью. Небольшие окна были обрамлены наличниками и имели глухие ставни, на ночь запиравшиеся изнутри